

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ СТИЛИСТИКИ

ОБЗОР ПОЛУЧЕННЫХ СТАТЕЙ

Помимо материалов, опубликованных в №№ 3—5 журнала за 1954 г., редакцией было получено еще несколько откликов на статью Ю. С. Сорокина «К вопросу об основных понятиях стилистики» (1954, № 2). В этих отзывах высказывается ряд критических замечаний по поводу выдвинутых Ю. С. Сорокиным положений и излагаются разные точки зрения по отдельным поднятым в ходе дискуссии вопросам.

*

В статье, озаглавленной «О стилистическом нигилизме», проф. А. Ф. Ефремов (Саратов) возражает против отрицания стилей общенародного языка. Это отрицание, говорит он, основывается на том, что в развитом национальном языке стили не имеют замкнутости, что нет «изолированных элементов языка», которые были бы свойственны одному стилю и необычны для другого стиля. Но мысль о том, что для права на существование стилей обязательно наличие их структурной «замкнутости», наличие изолированных слов, оборотов и конструкций, характерных для одного какого-либо стиля и не характерных для других стилей языка, следует, по мнению А. Ф. Ефремова, признать ошибочной. Признаком языкового стиля является не «замкнутость» его, а наличие особых специфических черт, возникающих благодаря самим условиям общения. Так, специфика разговорного стиля определяется тесным психологическим контактом говорящих, конкретной обстановкой общения, большой ролью внеязыковых средств и пр. Отсюда — характерные черты этого стиля: короткие предложения, их неразвернутость, слабая функция синтаксических средств расчленения речи, «ступенчатость» предложения (по терминологии проф. А. Н. Гвоздева), господство бессоюзных конструкций, резкие синтаксические переходы, самоперебои, повторы, наличие неполных, номинативных, обобщенно-личных предложений, эллиптических конструкций, особый порядок слов, «непоследовательность» в построении фразы, вставные вопросительные и восклицательные предложения, специфические модальные слова и частицы, обращения, междометные формы глагола и т. д. Ко всему этому надо добавить некоторые морфологические особенности речи, свободу в пользовании разговорной и просторечной лексикой и фразеологией, широкие возможности экспрессивного использования обычных, нейтральных слов. Все эти стилевые особенности сочетаются с присущей разговорной речи живой интонацией и экспрессией.

Разумеется, пишет дальше А. Ф. Ефремов, стиль разговорной речи не существует изолированно: элементы его активно проникают в другие стили языка. Наиболее яркое отражение элементы разговорного стиля находят в литературно-художественном стиле и, естественно, прежде

всего — в диалогах. Разговорная речь здесь индивидуализируется согласно художественным задачам автора; известно также, что элементы разговорного стиля широко отражаются и в авторской речи: со второй половины XVIII в. наша литература сознательно шла на сближение литературно-художественного и публицистического стилей языка с разговорным, намеренно нарушая замкнутость стилей. С гораздо большими ограничениями элементы разговорного стиля находят себе место в публицистике, в полемических произведениях и памфлетах (например, у В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева и др.), еще менее — в научном стиле.

В свою очередь, разговорный стиль тоже не отличается непроницаемостью. Он может вбирать в себя элементы научного стиля. Все зависит от того, кто говорит, с кем, о чем, а иногда и для чего. К сожалению, стиль разговорной речи не изучен, хотя он играет большую роль и в развитии стилей письменного языка, который, по выражению А. С. Пушкина, «...оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре»¹. Однако неизученность структурных черт разговорного стиля еще не дает права отрицать его существование.

Как разговорный, так и различные письменные стили имеют общую основу — грамматический строй и основной словарный фонд общенародного языка, т. е. то, что отличается наибольшей устойчивостью в языке и имеет характер обязательности для всех стилей. На этой общей основе создаются различные стилевые системы. Такова, например, система литературно-художественного стиля, который противопоставит всем стилям письменной речи. Особое место этого стиля определяется особым характером воспроизведения действительности, стремлением сохранить чувственную форму ее восприятия, тем, что все слова здесь несут обязательную службу образности.

В области синтаксиса литературно-художественный стиль отличается большой широтой диапазона, чем какой-либо другой стиль общенародного языка; здесь нет ничего «запретного». Все конструкции в художественном стиле, как и слова, имеют одну общую направленность — построение образов; каждое предложение соответствует образной установке; структура предложений, их чередование, связи между ними, соотношения членов предложения, принципы их перестановки и выделения, ритмо-мелодические приемы — все это рассчитано на построение образа.

Литературно-художественный стиль резко отличается от стиля научного, хотя совершенно справедливо утверждение, что научное изложение несколько не замыкается в рамки каких-то особых форм речи. Но научное изложение воспроизводит не цепь меняющихся чувственных впечатлений, не образы, а цепь логических суждений, поставленных во внутреннюю причинно-следственную взаимосвязь. В научном, особенно в научно-популярном, стиле возможно использование художественных средств. Д. И. Писарев говорил, что «популяризатор непременно должен быть художником слова, и высшая, прекраснейшая, самая человеческая задача искусства состоит именно в том, чтобы слиться с наукой и посредством этого слияния дать науке такое практическое могущество, которого она не могла бы приобрести исключительно своими собственными средствами»². По его мнению, «удачное выражение, меткий эпитет, картин-

¹ А. С. Пушкин, Письмо к издателю, Полное собр. соч. в шести томах, 4-е изд., т. V, М., ГИХЛ, 1936, стр. 255.

² Д. И. Писарев, Реалисты, Полное собр. соч. в шести томах, т. IV, СПб., 1903, стр. 146.

ное сравнение чрезвычайно много прибавляют к тому удовольствию, которое доставляется читателю самым содержанием книги или статьи»³.

Но элементы художественного стиля лишь вкрапливаются в текст научной работы и остаются иностильными. Определяющую роль в научном стиле играет книжная и специальная, терминологическая лексика. Она подчиняет себе всю общеупотребительную лексику, поскольку последняя попадает в план научного изложения. Общеупотребительная лексика в научном стиле характеризуется не образностью, а деловым характером, причем часто отдельные общеупотребительные слова становятся терминами. В синтаксическом отношении научный стиль также имеет много пунктов расхождения со стилем литературно-художественным. В художественном стиле возможны все синтаксические формы разговорной речи, в научном стиле — только некоторые из них.

В своеобразном отношении к научному и художественному стилю находится стиль публицистический. Он подвержен различным изменениям и отличается большой подвижностью. В нем сочетаются черты научного и художественного стиля; соотношение этих черт в зависимости от конкретных условий варьируется, меняется (ср., с одной стороны, статьи, с другой — очерки, фельетоны, памфлеты). В силу своей подвижности и проницаемости публицистический стиль может дать больше оснований для того, чтобы усомниться в его существовании как особого стиля. Тем не менее он существует: задачи и общая направленность публицистики обуславливают определенный подбор языковых средств. Публицистический стиль характеризуется наличием специальной общественно-политической лексики и фразеологии. Это — небольшой пласт, но он так же, как книжная и специальная лексика в научном стиле, дает тон, окрашивающий и всю общеупотребительную, образную, даже просторечную лексику, приспособляемую к задачам публицистического изложения.

Наблюдения над публицистическим и художественным стилями убеждают, что в стилистическом плане слово должно расцениваться не только само по себе, но в его изолированном состоянии, а с точки зрения той направленности, того назначения, какое оно получает в общем речевом контексте, по тому, «как оно сказано». «Слова еще ничего не значат; нужно знать, из каких стремлений возникают слова»⁴.

Итак, вывод о том, что если не существует изолированных языковых средств, пригодных для одного стиля, но непригодных для другого, то, значит, нет и самих стилей, представляется поспешным и весьма упрощенным.

А. Ф. Ефремов останавливается также на вопросе о разделении стилистики на аналитическую и функциональную. Он считает такое разделение теоретически неосновательным и практически ненужным. Предполагается, что аналитическая стилистика будет заниматься изучением «общей тональности отдельных элементов языка» в связи с изучением «синонимических соответствий и форм», а функциональная стилистика — «изучением принципов отбора слов в связи с общим смыслом и назначением высказывания». Но обе эти стороны изучения языка тесно связаны между собой, и разделять их не следует. Тональность слов или выражений не всегда может быть осмыслена без уяснения их функций. С другой стороны, вскрывая функции слова, конструкции, нельзя не коснуться их отношения к определенным стилистическим категориям. Это касается всех стилей вообще и особенно стиля художественного. Разделение

³ Д. И. Писарев, Реалисты, стр. 151.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Сочинения и письма Н. В. Гоголя, Полное собр. соч., т. IV, М., 1948, стр. 629.

стилистики на аналитическую и функциональную не устраивает ни языковедов, ни тем более литературоведов и писателей. Оно узаконивает отрыв изучения языковых фактов от изучения их функций.

В наше время проявляется большой интерес к вопросам языка художественной литературы и публицистики, но изучение его обычно ведется без учета функциональной стороны языковых явлений. Изучаются, например, словосочетания в произведениях М. Ю. Лермонтова, сложноподчиненные предложения в прозе М. Ю. Лермонтова, предлоги и предложные сочетания в прозе А. С. Пушкина, глагольная лексика «Повести о детстве» Ф. В. Гладкова, общественно-политическая лексика Н. А. Некрасова, просторечная лексика в рассказах Д. Н. Мамина-Сибиряка, терминологическая лексика в произведениях советской литературы, фразеология ранних фельетонов А. М. Горького, сложные слова в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, номинативные предложения в произведениях советской литературы и т. д. Однако исследователи обычно проходят мимо функционально-стилистической стороны языковых явлений; художественное произведение служит лишь источником для подбора материала по данному вопросу. Литературоведы, тем более писатели, не могут быть удовлетворены этими исследованиями, ценными для грамматиста или лексиколога. В результате такого анализа язык художественного произведения размысается на кирпичики, выясняются все особенности данной грамматической или словарной категории, но изучение художественного стиля не продвигается вперед.

Изучение художественного стиля идет успешнее, когда лингвистический анализ языковых явлений сочетается с анализом функциональным. Этот путь сложнее, он требует большой осмотрительности, так как здесь есть опасность подмены функционально-стилистического анализа языковых фактов анализом содержания. Но и этого типа работы не могут полностью удовлетворить ни писателя, ни литературоведа: они тоже не вскрывают писательского мастерства.

Возможно, что для того чтобы вскрыть языковое мастерство писателя, нужен третий путь — анализ языка художественного произведения по отдельным образам. Создание каждого образа связано с использованием определенных языковых средств, складывающихся в стилевое единство. В этом единстве все языковые средства обусловлены авторской установкой в отношении данного образа и органически связаны между собою (ср., например, сцену охоты в «Войне и мире» Л. Толстого). При таком анализе выступит связь каждой детали с целым, мастерство писателя, его такт, искусство владения речью и, с другой стороны, всякого рода противоречия и погрешности в стиле.

Итак, деление стилистики на аналитическую и функциональную теоретически неосновательно. Но нет нужды и в разделении стилистики на лингвистическую и литературоведческую (в узком смысле). Должна быть единая стилистика — лингвистическая, которая охватывала бы все стили общенародного языка, все его стилистические категории в их взаимосвязях, взаимопереходах, с учетом их возможных функций и конкретных применений. Такая стилистика должна быть построена совместными усилиями языковедов и литературоведов.

Предметом стилистики должно стать изучение всего многообразия языковых средств различных стилей общенародного языка и их специфики. Изучение этих языковых средств не может быть подменено установлением «синонимических соответствий», сопоставлением синонимов, характерных для каждого стиля в отдельности. Несомненно, синонимы являются одним из важных стилистических средств; но неправильно было бы преувеличивать роль синонимов как стилистических разграничите-

лей и отводить им решающую роль в формировании стилей общенародного языка. Несравненно большую роль в этом процессе играет многозначность слова, поскольку «изменения в смысловой структуре слова почти всегда отражаются и на его стилистическом употреблении»⁵. Свести научное изучение стилей общенародного языка со всем их богатством и разнообразием средств выражения к установлению «синонимических соответствий» — значит искусственно сузить сферу применения стилистики как науки.

*

В статье «Проблемы стилистики» М. М. Орлов (Ростов) отмечает, что основные положения статьи Ю. С. Сорокина являются противоречивыми. С одной стороны, Ю. С. Сорокин утверждает, что в языке есть отдельные слова и выражения, формы и конструкции, сами по себе обладающие определенной стилистической тональностью и несущие с собой в тот контекст, где они оказываются, «...определенную общую настроенность»⁶. С другой стороны, он пишет, что «...пока никому не удалось показать», что с тем или иным языковым стилем «...связаны специфические элементы языка, особые элементы его словаря и фразеологии, особые формы и конструкции, невозможные в других стилях или выступающие в этих других стилях как инородное тело»⁷. Итак, утверждается, что в языке имеется круг слов, выражений, форм и конструкций; сфера употребления которых ограничена, и тут же отвергается возможность отнесенности каких-то языковых элементов к определенным языковым стилям. Как же можно тогда объяснить наличие указанной «ограниченности» и каковы ее причины?

Стиль — это разновидность литературного языка, характеризующаяся такой совокупностью лексико-фразеологических, грамматических, интонационных особенностей, которая отличает ее от комплекса указанных языковых черт другой подобной разновидности. Каждый новый комплекс языковых средств дает новый стиль. Так, например, стиль художественной литературы имеет в своем составе нейтральную лексику и фразеологию, определенный круг стилистически окрашенной лексики и фразеологии (эмоциональные слова, просторечные и разговорные элементы, поэтизмы и т. д.), специфические синтаксические конструкции, рассчитанные на выразительность речи, и др. Этот комплекс языковых черт отличается от совокупности языковых средств, присущих, например, стилю публицистики, тем, что в публицистике могут наличествовать все перечисленные языковые категории, но соотношение их будет иным.

Каждый комплекс языковых черт, образующий стиль, в свою очередь может иметь довольно значительное число «внутренних» разновидностей. Однако каждый из этих вариантов отличается от любого другого варианта данного стилевого комплекса не в такой мере, в какой он отличается от комплекса языковых элементов, присущих другому стилю.

Стили речи отражают мышление человека: художественное мышление рождает художественный стиль, общественно-политическое мышление — публицистический стиль, научное мышление — научный стиль. Эти три основных стиля, возникшие в глубокой древности у разных народов в разное время, представляют основу стилистической системы литературного языка, но они не являются замкнутыми, а находятся в определенном взаимодействии.

⁵ В. В. Виноградов, Великий русский язык, М., 1945, стр. 146—147.

⁶ «Вопросы языкознания», 1954, № 2, стр. 78.

⁷ Там же, стр. 73.

Никто никогда не утверждал, что стили речи представляют собой совершенно изолированные сферы. Еще М. В. Ломоносов в своей работе «О пользе книг церковных...» писал о возможности передвижения различных лексических разрядов из одного стиля в другой. Поэтому утверждение Ю. С. Сорокина о том, что стили находятся в определенном взаимодействии, не является новым.

Ю. С. Сорокин выдвигает тезис: чем развитее язык, тем менее дробно его стилистическое деление. На деле литературный язык в своем историческом развитии при сохранении системы основных стилей идет по линии обогащения своих стилистических разновидностей.

Стили могут рассматриваться только в плане их противопоставления одного другому. На базе такого сопоставления могут быть выделены специфические особенности, присущие тому или другому стилю.

Подобно тому как система языка реализуется в процессе речевой деятельности, так же и стиль языка представляет собой систему языковых средств, из которой отбираются определенные элементы для создания отдельных произведений в пределах этого стиля. Но если язык включает в себя все элементы речи, то стиль — только те из них, которые выходят из разряда нейтральных.

Ю. С. Сорокин считает, что стиль речи — понятие функциональной, а не аналитической стилистики. Следовательно, у стиля выделяется только функциональная сторона и отвергается понимание стиля как системы.

Каждый стиль речи в своей основе имеет «отбор» языковых элементов; специфика отбора для каждого стиля в тот или иной период развития языка является постоянной, что и позволяет говорить о наличии в языке определенных стилей. Если бы не существовало таких устоявшихся, постоянных речевых отраслей, которые мы называем стилями, то каждая новая комбинация отбора давала бы новую специфику, т. е. новый стиль. Таким образом, стилей было бы бесчисленное множество, потому что комбинаций отбора может быть бесконечное количество. Следует оговориться, что понятие отбора может быть применено к стилю лишь условно, потому что говорящий (или пишущий) по сути дела не занимается отбором в прямом смысле: здесь скорее имеет место интуитивное воспроизведение элементов определенного стиля.

В речевом потоке любого стиля не воспринимается экспрессия отдельных присущих этому стилю слов. Экспрессия этих слов как бы растворяется в общем речевом потоке, в результате чего и возникает определенный стиль со своеобразной, свойственной этому стилю экспрессией. Когда в языке возникает новое слово, то оно приобретает экспрессию того стиля, в котором оно чаще всего употребляется: стиль, в котором утвердилось это новое слово, передает ему свою экспрессию. И если это слово попадает в сферу другого стиля, оно уже несет в себе выразительность того стиля, в котором впервые приобрело широкое распространение. Так, например, такие слова, как *закон*, *устав*, отличаются выразительностью официально-делового или публицистического стиля, потому что они имели распространение именно в этих стилях и, попадая, например, в художественную литературу, сохраняют соответствующую экспрессию.

В современной филологии термин «стиль» часто употребляется для обозначения экспрессии речи, т. е. ее выразительности. Стилистическая выразительность слова может слагаться из трех элементов: стилистической окраски, эмоциональной окраски и субъективной оценки, причем все эти три элемента могут соединяться в одном слове. В зависимости от наличия или отсутствия в слове стилистической окраски, весь словарный состав языка может быть разделен на два неравных разряда: нейтральные слова, составляющие основную массу словарного состава, и слова стилистически

окрашенные (просторечие, лексика разговорная, книжная, специальная терминология и т. д.).

Эмоциональная окраска слова определяется, в основном, тем предметом или понятием, которое обозначается этим словом. Она не зависит от его стилистической окраски. Почти в каждом разряде стилистически окрашенной лексики может быть выделена эмоциональная и неэмоциональная лексика и фразеология. Нейтральные слова могут быть как эмоциональными (*восторг, любовь, страсть, злоба, горе* и т. д.), так и неэмоциональными (*стул, стол, стена, ходить, читать, писать* и т. д.). Могут быть также эмоциональными и неэмоциональными книжные слова, слова просторечные и некоторые другие разряды стилистически окрашенной лексики.

Субъективная оценка слова выражает отношение говорящего к предмету или понятию. Чаще всего субъективная оценка придается слову общим контекстом речи, причем она часто сливается со стилистической окраской слова. Так, например, бранная лексика является просторечной по своей стилистической окраске и в то же время выражает субъективную оценку — отношение одного человека к другому. Субъективная оценка может выражаться специальными суффиксами; вообще следует заметить, что морфологические формы способствуют приобретению словом всех указанных выше оттенков выразительности.

Как и другие участники дискуссии, М. М. Орлов останавливается также на делении стилистики на аналитическую и функциональную, считая это деление противоречивым и неоправданным.

*

В статье «Объект и содержание лингвистической стилистики» А. Я. Рожанский (Москва) пишет о разном в определении объекта лингвистической стилистики. Представление о стилистике, как о дисциплине, которой надлежит изучать «выразительную» сторону языка с точки зрения экспрессивно-эмоциональной окраски, приводит к ограниченному, даже неверному положению о том, что в языке якобы имеются и «невывразительные», и «маловывразительные», «нейтральные» средства. А поскольку «выразительные» средства обнаруживаются в очень небольшом количестве и обычно только в лексике, то объект лингвистической стилистики оказывается чрезвычайно ограниченным.

Сторонники разделения лексики на «выразительную» и «невывразительную», «нейтральную» считают стилистическими показателями слова приподнятость, торжественность, иронию, грубость и т. п. Но ведь все эти оттенки осознаются как противопоставления к наименованию предмета в его, так сказать, чистом виде. И этот «чистый вид» несет в себе определенную стилистическую характеристику: «Предметно-логическое значение каждого слова окружено особой экспрессивной атмосферой, колеблющейся в зависимости от контекста»⁸.

Каждое высказывание соотнесено с определенным стилем. Однако эта соотнесенность не исключает некоторой, хотя и весьма общей, стилистической окраски слов вне речи; эта окраска уточняется, конкретизируется, когда слово попадает в высказывание определенного стиля. Полная стилистическая характеристика слова создается взаимодействием стилистической окраски его вне речи и назначения его в контексте. Стилистическая окраска каждого высказывания носит отпечаток индиви-

⁸ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 19.

дуального стиля говорящего. Но индивидуальное входит в общественное, регулируется нормами общенародного языка.

Невозможность выделить «выразительное» и противопоставить его «нейтральному» относится и к области грамматических средств. Выразительны все грамматические средства, если они используются с учетом характера высказывания, стиля данной речи. Так же, как из словаря должно быть отобрано единственное для данного высказывания слово, так и грамматическое средство должно быть единственным для данного высказывания. Именно такое требование предъявлял Л. Н. Толстой: находить единственно нужное размещение единственно нужных слов («Что такое искусство?», гл. XII).

Стилистическая характеристика высказывания должна включить и фонетические стилистические особенности, которые прежде всего определяются соотносительностью с основными двумя фонетическими стилями — полным и разговорным, имеющими значительное количество вариантов. Но стилистическая фонетическая характеристика включает и движение интонации, и ритмичность, и ряд других фонетических особенностей, в совокупности образующих фонетическую стилистическую характеристику высказывания.

Итак, стилистическая характеристика выступает как синтез лексических, грамматических и фонетических показателей; стиль речи — это характер высказывания с точки зрения целевой его установки и с точки зрения наличия в нем определенной совокупности лексических, грамматических, фонетических средств; язык как средство общения и обмена мыслями реализуется, проявляется в речи определенного стиля.

Как и другие авторы, А. Я. Рожанский возражает против тезиса о том, что не существует стилей языка «как особых сфер, типов, систем». Отсутствие изолированности каждого стиля речи, наличие связующих и перекрещивающихся линий между ними еще не дает оснований вообще отрицать существование стилей.

Распределение всех языковых средств по изолированным стилям означало бы мертвящий схематизм, игнорирование системности языка: ведь системность языка означает взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов. Поэтому незакрепленность за каждым стилем всех функционирующих в нем языковых средств отнюдь не снимает понятия стиля речи. Если не все языковые средства наделены специфическими стилевыми показателями, то о некоторых лексических элементах, конструкциях, фонетических особенностях, присущих тем или иным стилям, говорить можно. Нельзя утверждать, что любые языковые средства могут быть использованы в речи любого стиля. Многие лексические элементы, некоторые синтаксические конструкции, фонетические, интонационные особенности, присущие стилю бытовой речи, воспринимались бы в речи других стилей, например, научного или делового, как инородное тело. Характерные признаки языковых средств стиля научной речи не нарушаются тем, что некоторые образцы научной речи по отдельным показателям приближаются к разговорно-бытовой речи: стиль научной речи может быть представлен во многих своих разновидностях, не совпадающих, однако, по совокупности показателей с разновидностями других стилей речи.

А. Я. Рожанский высказывает также мысль о том, что стили речи должны быть раскрыты не только на языковом материале, но и на материале смежных областей, например, логики.

Заключение дискуссии по вопросам стилистики предполагается в № 1 журнала за 1955 год.